

Теория общественно-экономических формаций и программа социалистической революции в России*

В.С. Кржевов

Автор анализирует теоретическую состоятельность программы осуществления социалистической революции 1917 г. в России в соотнесении с базовыми положениями теории общественно-экономических формаций. При этом отмечается, что вопросы состоятельности и полноты предлагаемых теорией общественно-экономических формаций объяснений возникновения и смены различных форм социальной организации неизменно привлекают внимание философов, историков и социологов.

Автор полагает, что неудачная попытка построения социалистического общества в СССР, обернувшаяся созданием сверхцентрализованной системы управления и гиперэксплуатацией непосредственных производителей со стороны государства, обусловлена действием объективных законов социально-экономической организации общества. В этой связи отмечается, что постреволюционное советское общество принадлежало к тому типу структурной организации, что сформировался на заре цивилизации – сначала в древних земледельческих обществах Месопотамии и Северной Африки, а спустя столетия – в государствах Мезоамерики. В целом же проект «социалистической революции» России не имел ни малейших шансов на реализацию, а псевдокоммунистическая фразеология служила для легитимации господства класса «новых собственников» – партийно-государственной номенклатуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Маркс, экономический детерминизм, теория общественно-экономических формаций, собственность, власть, класс, социалистическая революция, социальное управление.

КРЖЕВОВ Владимир Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

krjevov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10 августа 2018 г.

Цитирование: *Кржевов В.С.* Теория общественно-экономических формаций и программа социалистической революции в России // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 47–57.

В последнее время вновь оживилась дискуссия, посвящённая общим проблемам философии истории и, в частности, предложенному Марксом методу типологического анализа исторической эволюции человечества. Вопросы о состоятельности и полноте объяснений возникновения и смены различных форм социальной организации, предлагаемых теорией общественно-экономических формаций, неизменно привлекают внимание философов, историков и социологов [Арон 1993].

Наряду с этим в опоре на идеи Маркса предпринимаются также исследования ряда актуальных проблем современности. Среди них динамика мирового рынка и отношения между высокоразвитыми капиталистическими странами и странами так называемого

* Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива».

© Кржевов В.С., 2018 г.

«периферийного капитализма» [Валлерстайн 2001], изменения в социальном положении основных классов, обусловленные научно-технической и информационной революцией [Waterman 2001], место и роль государства в управлении хозяйственными процессами [Mandel 1971], возможности применения принципа планомерности в общественном производстве на базе высоких технологий [Шумпетер 1995], анализ основных особенностей интенсивно идущих процессов глобализации [Stiglitz 2003]. Весьма актуальным остаётся и вопрос о состоятельности прогноза о неизбежности пролетарской революции и замещении буржуазного общества обществом более высокого типа – социалистическим. В этом плане события истории XX в. исследуются с позиций разработанных Марксом общих принципов теории социального изменения.

Эти исследования позволяют увидеть, что проблемы гармонизации структуры общества, преодоления наблюдаемого в глобальном масштабе значительного имущественного, и шире социокультурного неравенства [Пикетти 2016], обеспечения стабильной занятости и эффективной социальной поддержки нуждающихся в ней индивидов и групп по-прежнему пребывают в центре внимания научного сообщества. Главной задачей является поиск ориентиров развития человечества на ближайшие десятилетия. Именно настоятельная необходимость решения этих проблем делает философское и теоретическое наследие Маркса высоко востребованным, ибо ключ к решению многих из них не может быть найден без обращения к его идеям.

Сказанное, однако, не означает, что концепция Маркса должна непременно рассматриваться в полном объеме как неопровержимо истинная. Вынося за скобки соображения чисто идеологического порядка, его идеи вполне можно подвергнуть критическому анализу ровно так же, как и любую другую философскую и/или научную концепцию. Применяя некогда предложенную И. Лакатосом формальную модель «научно-исследовательской программы» [Лакатос 1995], можно видеть, что «твердое ядро» этой концепции включает ряд весьма ценных ключевых положений. При этом важно принять во внимание, что эти положения, разработанные ещё в середине XIX в., достаточно хорошо согласуются с современными представлениями. В качестве исходного служит данное Марксом определение сущности человека как родового существа, поддерживающего (воспроизводящего) свою жизнь посредством производительной деятельности. В свете результатов исследований последнего времени такая деятельность рассматривается как особая разновидность процессов самоорганизации. Подобный эффект достигается благодаря информационно-направленному взаимодействию самоподдерживающихся структур с внешней средой. Общим условием самоподдержания является адаптация таких структур к условиям среды обитания, однако деятельность в этом плане отличается от других форм жизни, будучи процессом «адаптивно-адаптирующим». Эффект самоподдержания достигается в этом случае путём активной целенаправленной переработки компонентов среды в средства жизнеобеспечения человека. В терминах Маркса это «общественно-организованный процесс производства», совершающийся между человеком и природой.

Эти общие положения далее могут быть конкретизированы с использованием разработанной Марксом теоретической модели «всеобщего производства». С её помощью выявляются необходимые связи и зависимости, возникающие в процессе жизнедеятельности «человека общественного». В своих исторически конкретных формах эти связи служат структурообразующим основанием организованного человеческого сообщества [Маркс 1968, I].

Сообразно этим положениям, наблюдаемая в истории человечества смена форм социальной организации, а также отвечающих им типов духовной культуры как раз и обуславливается изменениями в общественном способе производства. Главным динамизирующим фактором здесь служит развитие технико-технологической вооружённости труда, что со временем приводит к изменениям в структуре его распределения между субъектами. Нарастающая специализация и обусловленное ею углубление разделения труда преобразуют формы и способы организации обмена его результатами – первоначальная прямая кооперация на базе коллективной собственности на средства производства со временем уступает ведущую роль товарообмену, предполагающему обособление в той или иной форме частных собственников – распорядителей ресурсов.

Другой стороной этого процесса является возникновение различных форм несвободного, зависимого труда. Здесь основным содержанием изменений является отчуждение тем или иным путём массы непосредственных производителей от условий и средств производства и значительной доли производимого ими продукта. В системе отношений обмена возникает феномен «прибавочной стоимости» — той части созданного работником продукта, которая не идёт на удовлетворение его собственных нужд, но изымается у него посредством созданных обществом механизмов различного рода. Учитывая получившее широкое распространение упрощённое толкование сути этого феномена, следует сразу подчеркнуть, что вопреки устоявшемуся пониманию, отчуждаемый от работника прибавочный продукт далеко не во всём объеме идёт на обеспечение личного потребления собственников средств производства. Немалые его доли обеспечивают удовлетворение интересов, порождённых возникновением новых видов специализированного труда, непосредственно не связанных с прямым производством продукта, но являющихся необходимым условием осуществления жизнедеятельности усложнившегося сообщества. Таковы все виды социального управления, функционирование боеспособных вооружённых сил, поддержание достаточного уровня культурной интеграции в условиях сильно разветвлённой системы социальных связей и т.п. В итоге в обществе со временем оформляются основные ролевые группы — классы собственников средств производства, выступающих в качестве управленцев — организаторов производства, и непосредственных производителей. В совокупности названные положения, как сказано выше, входили в «твёрдое ядро» марксистской исследовательской программы, выступая в качестве «объяснительного принципа» для осмысления наблюдаемых в истории изменений в способах человеческой деятельности и формах социальной организации.

Краткости ради эти положения, взятые в совокупности, нередко характеризуют как «экономический детерминизм». Со времени их опубликования и вплоть до настоящего времени было потрачено множество усилий для их опровержения [Поппер 1992; Сорокин 2006]. Представляется, однако, что для правильного их понимания важно иметь в виду, что эти идеи сформулированы на высшем уровне абстракции и выражают самые общие принципы и механизмы структурной организации общества и процессов его изменения. Иначе говоря, такого рода модель может быть адекватно применима лишь на предельных уровнях обобщения (чего, заметим в скобках, не очень любят делать историки). Тем самым, по мысли Ф. Броделя, решается задача выявления «больших линий» истории человечества, взятой в её целом. Лишь такой масштаб позволяет зафиксировать закономерности, проявляющиеся на длительных интервалах времени и больших массивах событий; для осмысления истории отдельно взятых социальных образований необходимо использовать «правила интерпретации», позволяющие перейти от всеобщих положений к более специальным, учитывающим своеобразие исторически конкретного.

В этой связи стоит также заметить, что в большом числе случаев критика концепции Маркса строится на неверной, противоречащей её общей логике трактовке тезиса об экономической обусловленности жизнедеятельности людей. Дело в том, что, вопреки распространённому словоупотреблению, никакой специальной «экономической деятельности» (что предполагает существование иных, «неэкономических» её разновидностей), строго говоря, не существует. Это утверждение *доказывается* принципиальной *обмениваемостью* результатов всех без исключения видов труда, включая и «живой труд», «услуги». Несложно показать, что обмен — в различных его организационных формах — наличествует на протяжении всей истории человечества, будучи необходимым внутренним моментом воспроизводственных процессов, идущих во всех сферах жизни общества. Отсюда, в частности, следует, что аргументы оппонентов «экономического детерминизма», большей частью апеллирующих к многообразию форм исторического бытия, бьют мимо цели. Их главный довод в том, что подобное многообразие не согласуется с монистическим объяснением социальной динамики, поскольку для разных типов общества и культуры нужны якобы всякий раз особые методы ис-

следования. В ряде случаев эти соображения дополняются утверждениями о самоценности культуры и некорректности представления о сводимости человеческих устремлений к получению «экономической выгоды».

Так, например, если в эмпирическом наблюдении или посредством изучения источников установлено, что людям такой-то конкретной культуры совершенно чуждо стремление к постоянной максимизации объёмов производства, а систематический навык рационального исчисления затрат и прибылей у них отсутствует, то «экономическая деятельность» в таком обществе якобы теряет своё решающее значение, уступая доминирующую роль иным усилиям, например, мотивированным религиозно или политически.

Подобные утверждения построены на логической ошибке смещения общего и особенного, когда «экономика вообще» — т.е. присущая *любому* обществу системная совокупность связывающих индивидов отношений распределения и обмена, отождествляется лишь с одной из её исторических форм, а именно с экономикой капиталистического товарного производства. Однако отсутствие систематического *товарообмена* не означает отсутствие обмена как такового; повторим ещё раз, что последний в той или иной форме всегда присутствует в производительной деятельности людей, будучи способом установления необходимых связей между ними. Как показывает история, по мере развития технологий и углубления специализации труда обмен может приобретать различные организационные формы, тем не менее всегда оставаясь решающим фактором интеграции общества.

В опоре на характеризованные выше общие принципы в марксизме разрабатывались решения более специальных проблем; сообразно всё той же модели И. Лакатоса, они составляли отдельные сегменты так называемого «защитного пояса» его «исследовательской программы». Напомню, что нас в данном случае главным образом занимает вопрос о движущих силах и механизмах смены форм социальной организации.

Как известно, рассматривая историю человечества в целом как прогрессивную смену общественно-экономических формаций, К. Маркс выделял в ней особые эпохи «социальной революции», когда совершался переход общества в следующую фазу развития. Основной движущей силой этих преобразований в классово-антагонистическом обществе провозглашалась борьба классов.

Это положение, в свою очередь, основывалось на признании непреодолимого антагонизма интересов двух основных классов — класса собственников средств производства и класса непосредственных производителей. Постоянно возобновляемые противоречия между ними разрешались в конечном итоге через революционную смену способа производства.

Однако применительно к реалиям истории бинарная схема существенно уточнялась и корректировалась — так, на закате феодального общества господствующему классу землевладельцев противостояли не только массы эксплуатируемых крестьян, но и нарождающийся класс промышленных пролетариев, и возникающий под воздействием нарастающей специализации труда и интенсификации обмена класс собственников-предпринимателей — торговцев, банкиров, фабрикантов. Резко выросшие вследствие механизации труда объёмы производства, а также интенсивное движение товаров, опосредованное денежными потоками, обусловили замену прямого распределения ресурсов и эксплуатацию зависимого труда постепенно формирующимися на рынке отношениями эмансипированных товаровладельцев. В силу этих изменений роль организаторов-управленцев теми или иными путями постепенно переходила к классу частных собственников средств производства, выступающих в качестве работодателей. Важную роль здесь играли также торгово-финансовые операции, центры управления которыми естественным образом сосредотачивались в городах.

Не углубляясь в более детальное рассмотрение этой исторической ситуации, подчеркнем главное: в сложившихся обстоятельствах действительно непримиримым, антагонистическим становится конфликт между двумя группами собственников — прежними феодальными «господами земли» и идущими им на смену «бюргерами» — буржуа.

Что до отношений с непосредственными производителями, то в силу ролевой специализации эти последние нуждались в новых собственниках как работодателях, так что обе названные группы – при несомненно конфликтном взаимодействии – вынуждены были искать и раз за разом находить баланс интересов, пусть даже асимметричный и недолговечный.

А вот борьба между феодалами и буржуа, когда обе группы притязали на исполнение одной и той же социальной роли, действительно могла завершиться лишь с устранением одной из сторон. (Нелишне заметить, что речь здесь идет об исчезновении класса, особым образом эту свою роль исполнявшего, но никак не об обязательном физическом уничтожении людей, этот класс образующих.) Итогом этой длившейся несколько веков борьбы стало основанное на новых началах буржуазное общество.

Теперь посмотрим, насколько применима логика этой теории для обоснования сделанного Марксом прогноза грядущего замещения капиталистического способа производства новым, более эффективным. В понимании марксистов главным классовым интересом пролетариата при капитализме и конечной целью его борьбы было уничтожение буржуазного общественного строя. Общественно-экономическим содержанием такого революционного переворота Маркс считал *преодоление* частной собственности и, как следствие, исчезновение классовых антагонизмов, что открывало возможность преобразования общества в систему свободных самоуправляемых коммун.

Идеи Маркса воодушевляли возникшее в последней трети XIX в. в Европе широкое политическое движение. Возглавившие его социалистические партии объединились в Интернационал. В своих программах они заявляли о представительстве интересов пролетариата, а своей главной задачей видели революционное преобразование буржуазного общества. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война вызвала раскол социалистического движения, в результате которого от него, в частности, отделилась наиболее радикальная группировка, с 1919 г. известная как Третий, или Коммунистический Интернационал. Его создатели и вдохновители – В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий – считали необходимым использовать вызванный войной кризис для незамедлительного совершения социалистических преобразований. Наиболее последовательное выражение эти установки получили в ряде работ В.И. Ленина и прежде всего в написанной в 1916 г. брошюре «Империализм как высшая стадия капитализма». В ней он со всей решительностью утверждал, что «империализм есть канун социальной революции пролетариата» [Ленин 1974⁶, 308]. При этом Ленин опирался на безоговорочно принимаемые им положения «теории общественно-экономических формаций», уверенно предрекавшей *неизбежный* переход капиталистического общества на более высокую ступень развития в силу действия законов саморазвития производительных сил. Эти общие положения проецировались Лениным и его соратниками на сложившуюся в России к исходу Первой мировой войны внутривнутриполитическую ситуацию (концепция «слабого звена в цепи империалистических государств»).

Ход дальнейших событий и программа действий победившего пролетариата описывались в широко известной работе В.И. Ленина «Государство и революция». Согласно Ленину, после совершения социалистической революции полнота политической власти и одновременно контроль над средствами производства переходили к рабочему классу. Представляющая его интересы коммунистическая партия, экспроприируя буржуазию, вместе с государственной властью получала статус распорядителя всех ресурсов и всех видов работ в обществе, после ликвидации частных предприятий превращавшемся в единую хозяйственную систему. Иначе говоря, по логике этой модели, новообразованное пролетарское государство в качестве монопольного собственника средств производства (включая землю) должно было выполнять роль правящего класса – организатора производства в масштабах всего общества [Ленин 1974^а, 95–102].

Важно особо подчеркнуть, что дело обстояло именно таким образом – люди, входившие в состав аппарата новообразованной партийно-государственной власти, фактически выделялись в особую социальную группу, образующим основанием которой было отношение ее членов к средствам производства; будучи их верховными распорядителями, чины такого аппарата обретали статус правящего класса. То обстоятельство,

что этот статус приобретался или утрачивался отдельными лицами вместе с приобретением или утратой служебного положения, решающего значения не имело — группа как таковая воспроизводилась независимо от персонального состава [Восленский 1991; Джилас 1992]. Зоны ответственности и пределы распорядительных полномочий входящих в нее индивидов определялись их местом в партийно-государственной иерархии. С течением времени эта группа получила в СССР наименование «номенклатура» — этим словом обозначались как перечни государственных должностей, подконтрольных соответствующему (региональному или центральному) комитету правящей партии ВКП(б) — КПСС, так и списки персоналий, эти должности замещавших или намеченных к их замещению. В особую, наиболее привилегированную группу входили люди, замещавшие должности в партийном аппарате [Восленский 1991; Джилас 1992].

Однако неизбежен вопрос: каким в этой постреволюционной системе оказывалось положение непосредственных производителей? Ведь с ликвидацией института индивидуальной частной собственности и рыночных отношений эта функциональная группа никуда не исчезала — люди, её образующие, лишь потеряли статус наёмных работников, силой вещей вынужденных продавать рабочую силу на рынке труда. Но поскольку собственником подавляющего большинства предприятий теперь становилось государство, все прочие работники оказывались в зависимости от него как единственного работодателя, предписывающего, что, как, в каких количествах и в какие сроки надлежит производить в едином народном хозяйстве. Точно так же центром регламентировались порядок обмена произведённой продукции и начисление заработной платы.

Именно в связи с этой сверхцентрализованной формой организации встает главный вопрос социалистической революции. Вопреки Ленину [Ленин 1974^а], это отнюдь не вопрос о власти, а о том, что неизмеримо важнее — об объективных предпосылках и необходимых условиях *действительного* совершения переустройства общества на социалистических началах. (Не лишено интереса, что лидер большевиков в борьбе с «детской болезнью левизны» не раз призывал товарищей по партии помнить об «условиях осуществимости» их революционных начинаний.) Ведь согласно логике метода Маркса для *изжития* частной собственности одной лишь силовой экспроприации частных собственников совершенно недостаточно. Действительное преодоление этой формы организации становится *возможным* только тогда, когда развитие производительных сил приводит к качественному выравниванию всех видов общественного труда. Лишь при этом условии отпадает *необходимость* осуществления продуктообмена *в форме обмена товарами — через калькуляцию затрат и перманентное балансирование стоимостных эквивалентов*. Соответственно, частная собственность на средства и результаты производительного труда, или, иначе, *частный капитал как форма организации общественного производства* действительно становились бесполезными и ненужными.

Вполне очевидно, что «пролетарская революция» — основным содержанием которой как раз и стала насильственная экспроприация частного капитала — никак не способна тем же образом отменить ни наработанные к этому времени в обществе технологии специализированного труда, ни созданного ими «частичного рабочего». Точно так же неоспоримо, что именно наличные формы и способы разделения труда в значительной мере обуславливают характер общественного производства, взятого в целом. Отсюда следует, что не одна только форма собственности на средства производства, но также и разделение труда играет наиважнейшую роль в жизни людей — ведь способ существования подавляющего большинства индивидов и характер их взаимодействия друг с другом, так же как и смысловые горизонты их повседневного «жизненного мира» в немалой мере заданы теми социальными ролями, которые они исполняют. Наряду с этим весьма существенно, что форма собственности, согласно сформулированному Марксом общему закону, должна в какой-то мере соответствовать наличному состоянию производительных сил.

В этой связи нелишне напомнить, что не кто иной, как сам Маркс полагал ответственность в той или иной её исторической форме *всеобщим условием* осуществления процесса производства [Маркс 1968, I]. Развивая эту мысль, он, в частности, показал,

что «революционное» требование отмены *собственности как таковой* есть заведомая утопия, поскольку с развитием производительных сил изменяться может только *форма* собственности. Логика такой метаморфозы проанализирована в нижеследующих словах Маркса: «Каждый индивид обладает общественной мощью в форме вещи. *Отнимите эту общественную мощь у вещи — вам придется дать ее одним лицам как власть над другими лицами.* <...> Индивиды подчинены общественному производству... поэтому *не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединённых индивидов над их совокупным производством* (Курсив мой. — В.К.)...» [Маркс 1968, I, 70–71].

Таким образом, поскольку всякое глубоко специализированное производство необходимо предполагает обмен созданных им разнородных продуктов, выступающих как меновые стоимости, общество неизбежно сталкивается с необходимостью организации такого обмена. Решение этой задачи достигается одним из двух способов — либо на свободном рынке, либо посредством предписания товаропроизводителям меновых пропорций, определяемых по усмотрению верховного собственника — государства [Шумпетер 1995; Хайек 2012]. И так как принудительная ликвидация института частной собственности сделала свободный товарообмен невозможным, необходимая регулияция глубоко специализированного производства неизбежно должна была в масштабах общества осуществляться посредством распределения квот ресурсов, труда и потребления, осуществляемого управляющим центром [Хайек 2011]. Тем самым, вопреки глубоко укоренившемуся представлению, воссоздавалась — правда, в новой, специфической форме — именно *частная собственность* — как *необходимая форма связи двух функциональных групп — чиновников-распорядителей и непосредственных производителей*. А частной она оставалась потому, что государство-собственник противостояло здесь множеству лишённых собственности непосредственных производителей. Ведь только собственник, будь то коллектив общинников, частное лицо, группа таких лиц, организация, наконец, бюрократическая структура — государство или церковь — обладает распорядительными полномочиями. Именно в этом смысл и назначение собственности как особой формы общественного отношения.

С учетом этого есть все основания утверждать, что в силу действия объективных законов социальной организации главным итогом «социалистической революции» в СССР вместо чаемого обобществления производства стало его тотальное огосударствление — как говорится, почувствуйте разницу! (Здесь можно оставить без специального рассмотрения вопрос о якобы существовавших в СССР двух формах собственности — «государственной» и «кооперативно-колхозной». Хорошо известно, что колхозы были всецело подконтрольны центральной власти, действовавшей через свои местные органы, и практически не обладали распорядительными полномочиями. Тем самым их статус «собственников» был чисто номинальным, т.е. по факту юридической фикцией. Произведенную продукцию они были обязаны сдавать государству на его условиях — нередко в ущерб насущным нуждам самих колхозников. Поэтому колхозы с достаточным основанием следует рассматривать как новое издание крепостного права, где роль верховного собственника земли и продуктов ее обработки принадлежала государству.)

Итак, вместо прогрессивного преодоления отжившей своё, неэффективной частной собственности совершилось лишь замещение одной её формы другой со всеми необходимо вытекающими из такого преобразования последствиями [Маркс 1968, I]. Ведь согласно всё той же логике теории Маркса всеобщая национализация средств производства сама по себе не только не обеспечивает «освобождения труда», а, напротив, превращая государство в верховного собственника — монопольного распорядителя ресурсов и работодателя, влечёт многократный рост эксплуатации непосредственных производителей, оказавшихся от него в полной зависимости. Дело в том, что в условиях государственной сверхмонополии и отсутствия конкуренции отчуждение трудящихся масс только усугубляется, поскольку они вынуждены мириться с навязанными им условиями труда — ведь государство-собственник располагало значительными возможностями, объединяя средства экономического принуждения с идеологическим давлением, уголовным преследованием и политическими репрессиями. Это утверждение

наглядно иллюстрируется известным по опыту СССР резким ростом объемов изымаемой у непосредственных производителей прибавочной стоимости. Несколько раз это изъятие осуществлялось в наиболее грубой форме – либо посредством снижения расценок оплаты труда с одновременным повышением норм выработки, либо с использованием «государственных займов на развитие народного хозяйства», когда «зарплата» работникам выдавалась лишёнными прямой покупательной способности облигациями, впоследствии быстро терявшими номинальную стоимость.

С другой стороны, противодействие эксплуатации могло осуществляться в основном лишь латентными способами: снижением трудовой активности, низкой технологической дисциплиной, фальсификацией отчетов о выполнении плановых заданий. Известно, что именно к такого рода стереотипным приемам уклонения от трудовой повинности обыкновенно прибегают зависимые работники, мало заинтересованные в результатах своего труда. Хотя в истории СССР были также и немногие случаи открытых протестов рабочих и крестьян, обыкновенно жестоко подавлявшиеся «народной властью».

В итоге более чем семидесятилетний опыт функционирования сверхцентрализованной системы управления процессами общественного производства убедительно продемонстрировал, что она плохо совместима с высоким уровнем специализации труда, неизбежно обуславливая нарастание издержек, снижение темпов роста и технологическую стагнацию в целом ряде отраслей народного хозяйства. Поэтому сколько бы пришедшие к власти большевики ни называли себя «партией рабочего класса», созданный ими общественный строй – «социалистическим», а государство – «государством трудящихся», эти идеологические клише лишь маскировали действительное содержание сложившейся в СССР к 1927–1930 гг. системы общественных отношений и обусловленных ею практик.

В этом плане примечательно, что советское общество, по сути, принадлежало тому же типу социально-экономической организации, что сформировался на заре цивилизации – сначала в древних земледельческих обществах Месопотамии и Северной Африки, а спустя столетия и совершенно независимым образом – по другую сторону океана – в государствах Мезоамерики. Согласно теории общественно-экономических формаций, общества этого типа базируются на так называемой «азиатской» (в современной терминологии – «политарной») форме собственности [Семенов 2008]. Структурообразующим ядром таких обществ является институт единой «власти-собственности», когда в руках верховной администрации властные функции объединяются с порядительными полномочиями в распределении и использовании основных ресурсов жизнеобеспечения.

Уже одного только указания на такое неоспоримое типологическое сходство достаточно, чтобы посеять сомнения в достоверности утверждения о советской системе как новой, исторически прогрессивной ступени общественного развития, «отрицающей» отжившую своё буржуазную его стадию. «Отрицание», несомненно, состоялось, вот только вектор исторического движения, вопреки убеждению приверженцев идеи неуклонного восхождения человечества по ступеням прогресса, оказался в этом случае обращённым назад, к самой архаичной форме классового общества. Всевластие и произвол «нового класса» – партийной номенклатуры, легитимизуемые при посредстве фигурных листков «общенародной собственности» и «планового хозяйства», стали основной чертой советской эпохи [Гайдар 2006; Корнаи 1990; Шмелев 1996].

Таким образом, первоначально проникнутая пафосом скорейшего уничтожения социальной несправедливости «социалистическая революция» в России продемонстрировала несостоятельность попыток радикально, одним махом разрешить проблемы и противоречия буржуазного общества в забвении объективных законов социальной организации. В плане методологии это был тот самый случай, когда «отрицательный результат» со всей очевидностью подтвердил справедливость основных положений теории.

Осмысленная с позиций марксистской концепции история советского общества очевидным образом продемонстрировала справедливость закона необходимого соот-

ветствия уровня развития производительных сил и формы производственных отношений, но только, так сказать, от обратного, поскольку должного соответствия в этой системе как раз и не наблюдалось. Благодаря уникальному богатству ресурсов и привычно низкому уровню повседневного потребления основной массы работников эта система в течение известного времени могла поддерживать существование общества, пытавшегося совместить индустриальные технологии с формой собственности, возникшей на заре земледельческой цивилизации. Однако обеспечить необходимую эффективность и конкурентоспособность производства в условиях мирового разделения труда эта форма организации в конце концов оказалась не в состоянии. Немалую роль в ее нарастающей стагнации и распаде сыграло то обстоятельство, что общество, претендовавшее на замещение спонтанных процессов социального изменения планомерно управляемым развитием, существенно потеряло как раз в управляемости, поскольку имманентно присущая политарным структурам тенденция к нарастанию гиперцентрализации управления и порождаемое ею стремление подчинить всю жизнедеятельность общества тотальному контролю верховной власти противоречили достигнутому уровню сложности социальной организации [Гайдар 2006; Корнаи 1990]. Разнообразные зависимости между функциональными модулями социальной системы, непрестанно меняющие свой характер, никак не укладывались в прокрустово ложе административно-командной системы управления [Корнаи 1990; Шумпетер 1995].

Но если сложная организация с большим числом переменных и быстрой сменой «управляющих параметров» была присуща уже индустриальному обществу, то что же говорить об обществе современном — постиндустриальном, информационном, где в невиданном ранее темпе постоянно возникают новые и отмирают старые элементы, а вслед за этими изменениями перманентно перестраиваются сетевые структурные композиции. В этих условиях дальнейшие попытки сохранить систему управления, построенную на принципах жёсткой пирамидальной иерархии, неизбежно существенно ограничат, а то и вовсе заблокируют свободное формирование пластичных сетевых связей [Хайек 2011]. Тем самым такие попытки следует расценивать как заведомо контрпродуктивные, влекущие избыточную растрату ресурсов и потерю темпов развития.

Источники и переводы — Primary Sources and Russian Translations

Ленин 1974^a — Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. М.: Политиздат, 1974 (Lenin V.I. *State and Revolution*. In Russian).

Ленин 1974^b — Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Политиздат, 1974 (Lenin V.I. *Imperialism as the Highest Stage of Capitalism*. In Russian).

Маркс 1968 — Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968 (Marx K. *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie*. Russian translation).

Ссылки — References in Russian

Арон 1993 — Арон Р. Карл Маркс // Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1993. С. 148–211.

Валлерстайн 2001 — Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М.: Университетская книга, 2001.

Восленский 1991 — Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия: Октябрь, 1991.

Гайдар 2006 — Гайдар Е.Т. Гибель империи. М.: РОССПЭН, 2006.

Джилас 1992 — Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.

Корнаи 1990 — Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

Лакатос 1995 — Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.

Пикетти 2016 — Пикетти Т. Капитал в XXI в. М.: Ad Marginem, 2016.

Поппер 1992 — Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992.

Семенов 2008 — Семенов Ю.И. Политарный (азиатский) способ производства: сущность и место в истории человечества. М.: Волшебный ключ, 2008.

Сорокин 2006 – *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
Хайек 2011 – *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011.
Хайек 2012 – *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М.: АСТ: Астрель, 2012.
Шмелев 1996 – *Шмелев Н.П.* Авансы и долги: вчера и завтра российских экономических реформ. М.: Международные отношения, 1996.
Шумпетер 1995 – *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 12. P. 47–57

Theory of Social Formations and the Socialist Revolution Program in Russia*

Vladimir S. Krzhevov

Author analyzes theoretical potential of the program of Russian socialist revolution from the perspective of the basic ideas of the theory of socio-economic formations. He underlines the fact, that relevance of the socio-economics formations theory (i.e., the explanation of rise and changes of social forms) is still under discussion for philosophers, historians and sociologists. The author argues that the failure of the socialist revolution project in the USSR that has resulted with the creation of hyper-centralized political system and the hyper-exploitation of producers by the state, is justified by the Marx's principles of social organization. In this respect, the author pays special attention to the fact that the Soviet society is much closer in its structure to the early civilizations of Mesopotamia, North Africa and Mesoamerica. The author concludes that the Russian socialist revolution project couldn't ever been realized, while the pseudo-communist phraseology was only aimed to cover this fact and to legitimize the political dominance of the party-state nomenklatura.

KEY WORDS: Marx, economic determinism, theory of socio-economic formations, property, authority, class, socialist revolution, social management.

KRZHEVOV Vladimir S. – CSc in Philosophy, associate professor at the department of social philosophy and philosophy of history, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
krjevov@mail.ru

Received at August 10, 2018.

Citation: Krzhevov, Vladimir S. (2018) "Theory of Social Formations and the Socialist Revolution Program in Russia", *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2018), pp. 47–57.

DOI: 10.31857/S004287440002583-6

References

- Aron, Raymond (1968) *'Karl Marx', Main Currents in Sociological Thought*, Vol. 1, Routledge, London.
Djilas, Milovan (1982) *The New Class: Analysis of the Communist System*, Harvest, New York.
Gaidar, Egor T. (2006) *The Decline of the Empire*, POSSPEN, Moscow (in Russian).
Hayek, Friedrich A. (1944) *The Way to Serfdom*, Chicago University Press, Chicago.
Hayek, Friedrich A. (1948) *Individualism and Economic Order*, Chicago University Press, Chicago.
Kornai, Janos (1980) *Economics of Shortage*, North-Holland, Amsterdam.
Lakatos, Imre (1980) *The Methodology of Scientific Research Programmes. Philosophical Papers, Vol. 1*, Cambridge University Press, Cambridge.
Mandel, Ernest (1971). *Marxist Theory of the State*, Pathfinder Press, New York.
Piketty, Thomas (2013) *Capital in the Twenty-First Century*, Belknap Press, Cambridge, Massachusetts.

* The paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research, the project 18-011-01097, "Social theory and power: the modern Russian perspective".

- Popper, Karl (1945) *Open Society and Its Enemies in 2 vols.*, Routledge, London.
- Schumpeter, Joseph (1962) *Capitalism, Socialism, and Democracy*, 3 ed., Harper, New York.
- Semenov, Yuri I. (2008) *Politar (Asian) Mode of Production: Essence and the Place in Human History*, Volshebniy Klyuch, Moscow (in Russian).
- Shmelyov, Nikolai P. (1996) *Advances and Debts: Yesterday and Tomorrow of the Russian Economic Reforms*, Mezhdunarodnie Otnosheniya, Moscow (in Russian).
- Sorokin, Pitirim A. (1957) *Social and Cultural Dynamics*, Extending Horizons Books, Manchester.
- Stiglitz, Josef (2003) *Globalization and its Discontents*, Penguin Books, London.
- Voslenskiy, Mikhail S. (1991) *Nomenklatura. The Rulling Class of the Soviet Union*, Sovietskaya Rossiya, Oktabr', Moscow (in Russian).
- Wallerstein, Immanuel (1991) *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Waterman, Peter (2001) *Globalization, Social Movements and the New Internationalisms*, Routledge, London.